

7. Kreissler F. Von der Revolution zur Annexion. Österreich 1918 bis 1938. Wien. 1970.
 8. Mikoletzky H. L. Österreichs Zeitgeschichte. Vom Ende der Monarchie bis zum Abschluss des Staatsvertrages 1955. Wien. 1962.
 9. Schuschnigg K. Im Kampf gegen Hitler. Die Überwindung der Anschlussidee. Wien. 1969.
 10. Suval S. The Anschluss Question in the Weimar Era. A Study of Nationalism in Germany and Austria, 1918-1932. London. 1974.
 11. Verhandlungen der verfassungsgebenden deutschen Nationalversammlung. Bd. 335. №54.
 12. Verosta S. Die österreichische Sozialdemokratie und die Aussenpolitik. Versuch einer Übersicht 1889 bis 1955. //Die Ära Kreisky. Schwerpunkte der österreichischen Aussenpolitik. Wien. 1983.
- Источники:
13. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Ser. A. 1918-1925. Band I. Göttingen. 1982.
 14. Dokumente der deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart. Bd. 3. Hgg. Hohlfeld. J. Berlin. 1951.
 15. Версаль. М. 1925.
 16. Сен-Жерменский мирный договор. Сб. под ред. Ключникова и Сабанина. М. 1925.

А.И. ДЕНИКИН О РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ

Н.Ф. Белоус, *з. Брест, БрГУ им. А.С. Пушкина*
С.Н. Белоус, *з. Минск, БГУ*

История российско-германских отношений уходит своими корнями в глубину веков. Периоды острых конфликтов чередовались с временами тесного сотрудничества.

Русско-германские отношения со второй половины XIX века вступают в свою наиболее драматическую фазу. Относительно слабые германские государственные образования были объединены О. Бисмарком под эгидой отличавшейся милитаристскими традициями Пруссии в единую Германскую империю. Ускоренная индустриализация немецкой экономики, наращивание германского военного потенциала воскресили в умах части немецкой правящей элиты полузабытую идею "натиска на Восток".

Влиятельная группа прусских политиков сплотилась вокруг газеты "Прусский еженедельник". О. Бисмарк вспоминал, что "в качестве цели, к которой надлежало стремиться Пруссии как передовому борцу Европы, там намечалось: расчленение России, отторжение ее остзейских губерний, которые, включая Петербург, должны были отойти к Пруссии и Швеции, отделение всей территории Польской республики в самых широких обширных ее пределах, раздробление основной части на Великороссию и Малороссию, хотя бы и без того едва ли не большинство малороссов оказалось в пределах максимально расширенной Польской республики". [1, с. 92]

Эти планы оказались близки к осуществлению в результате германо-русского противоборства в 1-ой мировой войне (1914-1918 гг.), а также русской революции 1917 года. Расчленение Российской империи было "узаконено" Брест-Литовским мирным договором между Советской Россией и Германией 85 лет назад (подписан 3 марта, ратифицирован 16 марта 1918 года IУ Всероссийским съездом Советов).

Брест-Литовский мир был грабительским и унижительным для суверенной страны. Его история до последнего времени содержала «белые пятна», многие ее страницы массовому читателю были неизвестны. Советские историки были скованы запрещением отходить от установленной свыше линии при исследовании политики партии в

дни борьбы Советской России за выход из империалистической войны. Естественно, что в таких условиях деятельность партии в период подготовки, заключения и ратификации Брест-Литовского мирного договора освещалась, во-первых, упрощенно, изобиловала сильно преувеличенными победными тонами, а во-вторых, все то, что не укладывалось в заранее сконструированные схемы, объявлялось далеким от науки, чаще всего — просто враждебным марксизму-ленинизму. Кроме того, в исторических публикациях о событиях в Брест-Литовске в 1918 году не содержалось информации о взглядах на них, позиции и точки зрения политических оппонентов большевиков. Подобная тенденция сохранялась до конца 80-х годов XX века.

Однако еще до сих пор остается малоизвестной книга генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина «Брест-Литовск», изданная 70 лет назад в Париже. [2] Чем же было вызвано появление этой публикации в 1933 году? Почему один из руководителей «белого дела», бывший главнокомандующий вооруженными силами юга России, патриот Родины обратился к проблеме «похабного мира» через 15 лет? Ответ надо искать в международном положении и внешней политике СССР во второй половине 20-х — начале 30-х годов.

В 1925 г. между Бельгией, Великобританией, Германией, Италией, Польшей, Францией и Чехословакией был заключен так называемый Рейнский гарантийный пакт, гарантирующий неприкосновенность западных границ Германии, тогда как восточные границы ее не попадали под гарантию. В результате, по мнению советского руководства, сложилась новая международная обстановка, свидетельствующая, что «господствующая комбинация мировой политики — единый фронт против СССР». Об этом же говорилось и в резолюции XIV съезда партии (декабрь 1925 г.).

В этих обстоятельствах СССР решил пойти на соглашения с соседними государствами, предусматривающие обязательства с их стороны воздерживаться от нападения на Советский Союз, а в случае нападения какой-либо третьей стороны, сохранять нейтралитет. Первым из таких документов стало соглашение между СССР и Турцией (17 декабря 1925 г.). В течение 1925-1932 гг. договоры о ненападении были подписаны с Афганистаном, Литвой, Ираном, Латвией, Эстонией, Польшей, Финляндией. В ноябре 1932 года такой договор был заключен между СССР и Францией. Все стороны констатировали, что отказываются от войны как орудия национальной политики, брали на себя обязательства воздерживаться от агрессивных действий или нападения как отдельно, так и в совокупности с другими державами.

Вот эти — то международно-правовые акты (прежде всего договор о ненападении между СССР и Францией) и явились причиной появления книги Деникина А.И. В предисловии он выражает недоумение, как «люди, ответственные за судьбы Франции, находят оправдание акту позора и предательства большевиков, имевшему непосредственным результатом продление мировой войны на многие месяцы, оплаченному потоками французской крови». Свою цель Деникин видит в том, чтобы данной работой «перелестать вновь страницы тяжелого прошлого с целью лишний раз поднять покровы, набрасываемые на это прошлое поборниками «пактов о ненападении» — ненападении до тех пор, пока не будет выгодно нападение». [2, с. 5]

Автор вкратце излагает последовательный ход событий. Особое внимание он уделяет вопросу о праве перебрасывать войска с фронта на фронт, постоянно подчеркивая лицемерие представителей Советской России. Деникин приводит выдержку из речи Каменева на заседании конференции, который так мотивировал заботы большевиков о «непереброске войск»: «Задача наша — усилить мирные движения в странах Антанты и заставить правительство вступить в переговоры. Но для этого западные страны не должны находиться под угрозой со стороны Германии, иначе Клемансо и Ллойд-Джордж получают силу продолжать войну». [2, с. 8]

Советское лицемерие сказалося в полной мере в принятии немецких условий, обративших в полной мере фикцию восприятие переброски войск. В соглашении 22 ноября (5 декабря) 1917 года было постановлено, что «в течение периода приостановки военных действий могут иметь место только такие переброски войск, распоряжение о которых было издано до 22 ноября (5 декабря) включительно». [4, с. 68] И австро-

германцы, отмечает Деникин, заготовили заблаговременно приказы о переброске на Запад десятков дивизий. В договоре от 2 (15) декабря был согласован пункт о запрещении переброски войск. Он гласил: «Договаривающиеся стороны обязуются до 1 января 1918 года (14 января 1918 года) не производить никаких оперативных воинских перебросок с фронта между Балтийским и Черным морями, за исключением тех, которые к моменту подписания настоящего договора были уже начаты».[3, с.47] . И австро-германцы, подчеркивает А.И. Деникин, продолжая начатые перевозки, обозначили фиктивно и начало новых. Он отмечает, что редакция приведенных статей не являлась результатом простого невежества советских послов. В качестве свидетельства приводит слова Каменева в отчете о первой стадии переговоров: «Мы настаивали, чтобы ни один солдат, ни одна пушка не были перевезены на другой фронт. В конце концов германцы согласились. Я повторяю, что эти заявления их не обязывают, но они дают представление о том, до каких пределов готова идти Германия». И в то время, как поезда с немецкими войсками с конца ноября 1917 года шли безостановочно по всем путям с востока на запад, пресса большевиков и советское руководство демонстрировали свое «благородство». Деникин определяет как лицемерные заявления и газеты "Правда", что "Русская революция не предаст. Она защищает солдат Франции!", и А. Троцкого о том, что «при правительстве Керенского германский штаб имел возможность бросить войска с нашего фронта на французский и итальянский. Сейчас, благодаря нам, этого нет».[2, с. 9]

22 ноября (5 декабря) 1917 года было подготовлено правительственное сообщение о ходе конференции в Брест-Литовске. В нем кратко подводился итог первого этапа переговоров, а в заключение оно оповещало страны Антанты о позиции Советской власти по вопросу о мире: «Союзные народы должны знать, - говорилось в сообщении, - что переговоры начались и что они будут продолжаться независимо от поведения нынешней союзной дипломатии. В этих переговорах, где русская делегация отстаивает условия всеобщего демократического мира, дело идет о судьбе всех народов, в том числе и тех воюющих народов, дипломатия которых сейчас остается в стороне от переговоров». И далее в советском правительственном сообщении подчеркивалось: «Союзные народы, их парламенты и в первую голову их социалистические партии должны сами немедленно решить, совместимо ли такое поведение союзной дипломатии с интересами союзных народов. Отстаивая в переговорах интересы союзных народов, Русское Правительство одним из главных условий перемирия поставило не переброску армий с Восточного фронта на Западный. Перемирие не может и не будет содействием одному милитаризму против другого. Но интересы союзных народов могут быть с успехом защищены лишь в той мере, в какой сами союзные народы захотят и сумеют принять участие в переговорах и проявить свою волю к немедленному перемирию и демократическому миру».[3, с. 47]

Думается, что А.И. Деникин прав, обвиняя большевиков в лицемерном поведении. Он сообщает, что перед революцией Россия отвлекала на себя 157 неприятельских пехотных дивизий, перед большевистским переворотом — 127, в том числе 80 германских; из числа последних после перемирия оставалось только 37; наконец, после Брест-Литовского мира австро-германцы держали на Востоке в общей сложности 49 пехотных дивизий, уменьшив к осени 1918 года число их до 36

Таким образом, октябрьская революция бросила на весы борющихся на Западе сил, против Согласия, девяносто дивизий! Переброска на Запад части войск с Восточного фронта, а, главное, безудержный грабеж продовольственных, материальных и сырьевых ресурсов оккупированных российских территорий позволили Германии сделать с 21 марта по 17 июня 1918 года пять крупных наступательных операций на Западном фронте. [2, с. 23,24]

А.И. Деникин, изложив ход конференции, отмечает, что «последствия Брест-Литовского мирного договора и дополнительных к нему соглашений были несальхано тяжелы». Россия теряла 1 млн. километров территории с 45 миллионами населения, поступала в полную экономическую зависимость от Германии и отбрасывалась политически назад к началу 17 — го века. Интересны сообщаемые Антоном Ивановичем сведения о об упорной и настойчивой кампании германской дипломатии за сепарат-

ный мир с Россией, которую она вела еще с 1915 года. Он рассказывает, что известны не менее восьми серьезных попыток в этом направлении, в том числе при посредстве шведского короля Густава, фрейлины Васильчиковой, дважды писавшей государю, директора "Дейтше Банк" Монкевича, Протопопова, Варбурга, болгарского дипломата Ризова и других. Немцы предлагали русскому правительству весьма благоприятные условия, особенно если иметь ввиду тяжкие неудачи и отступления российских армий 1915 года: очищение российской территории, предоставление России Константинополя, исправление в пользу России границ Пруссии, заем в 10 миллиардов марок и т. д. Большим сторонником сепаратного мира с Россией был кронпринц. Известны два его доклада кайзеру и ставке. Еще в конце 1915 года он предлагал заключить мир на основе сохранения Российской границы 1914 года и принятия на себя Германией всех русских финансовых обязательств по отношению к Франции. Даже летом 1917 года, в дни развала русской армии кронпринц в докладной записке рекомендовал "все усилия направить в сторону сепаратного мира с Россией, на началах "статус кво". Но, подчеркивает А.И. Деникин, императорская Россия, точно также как впоследствии Россия Временного правительства, оставалась верной обязательству не вступать в переговоры о мире иначе, как совместно со всеми державами Согласия. По мнению автора, для одних русских это было велением государственного достоинства, для других — и требованием государственной целесообразности. И еще он верно добавляет, что, вероятно, никто не сомневался в том, что кровь и жертвы, понесенные русским народом, кого-то морально обязывают. [2, с. 22]

Деникин А. в своей работе обращает внимание на то, что Брест-Литовск создал из Запада и Юга России новую богатую базу центральных держав. И это обстоятельство тем более значительное, что Германия к этому времени была истощена, а Австрия стояла на краю полного голода и распада. Для иллюстрации автор приводит только одну цифру: по ноябрь 1918 года австро-германцы вывезли из одной Украины и только под рубрикой договорных "хозяйственных перевозок", не считая избежавших учета "военных" и "частных", - 37 тысяч вагонов. Он цитирует министра по иностранным делам Австро-Венгрии графа Чернина, который в начале 1918 года говорил: "Нам не хватает по крайней мере 20 тысяч вагонов продовольствия, без которых мы просто должны погибнуть..." И Австрия получила за весну и лето 42 тысячи вагонов. [2, с. 24]

Чрезвычайно единодушно вся русская общественность, весь пестрый конгломерат политических партий, не исключая анархистов, вся уцелевшая к тому времени печать, кроме официальных советских органов, подчеркивает Деникин, отнеслись с глубоким негодованием к этому явному предательству интересов России. Он приводит не совсем точные данные об итогах голосования на 16 марта 1918 года на IУ Всероссийском съезде Советов по вопросу о ратификации мирного договора. Итоги были следующие: в голосовании участвовало 1198 человек (а не 700), за ратификацию договора высказалось 704 делегата, против — 285 (у Деникина — 300), воздержалось — 115, не приняли участия в голосовании по тем или иным причинам — 94 делегата. [4, с. 409]

В своей работе А.И. Деникин ставит вопрос: быть может, однако, в распоряжении советской власти не было уже никаких ресурсов, и "похабный мир" являлся неотвратимым? В поисках ответа он обращается к протоколу исторического заседания военного совета в большевистской ставке в Могилеве 22 января 1918 года. Военный совет был создан по требованию СНК для разрешения вопроса — подписать ли немедленно мир на тех условиях, что предложили немцы, в зависимости от способности фронтов к сопротивлению. В заседании участвовали главком Крыленко, главком Западного фронта прапорщик Мясников, двое старых военных: начальник штаба генерал Бонч-Бруевич и его помощник генерал Лукирский и другие, всего 11 человек. Деникин пишет, что Крыленко предумышленно соглашался с точками зрения и Ленина (необходимо принять все немецкие условия и подписать мир немедленно), и Троцкого (мир не подписывать, войну не продолжать, всю материальную часть эвакуировать вглубь страны, старую армию распустить, немцы нам фактически ничего сделать не могут, так как Германия заливается пожаром мировой революции): "Надо присоединиться к мнению тов. Ленина: подписать немедленно мир, закончить войну, а дальше идти по пути, предложенному тов. Троцким". Председатель ЦИК действующей

армии и флота Rogozинский предложил уклониться от решения и довериться “гениальным идеологам нашего будущего социалистического строительства – Ленину и Троцкому, не брать на себя эту мудрую и непосильную задачу”. Крыленко дважды брал слово и обосновывал необходимость подписания “похабного мира”: “Подписание мирного договора, в сущности, ничему нас не обязывает, является лишь только пустой бумажкой, которую мы всегда можем, ни с кем и ни с чем не считаясь, разорвать и выбросить. Народы уже охвачены пожаром солидарной революции”. Но члены военного совета не приняли заготовленную резолюцию. Представитель Северного фронта большевик Позерн, военные комиссары Бессонов и Савицкий говорили о том, что есть сохранившиеся части, есть новая формируемая армия, у немцев нет необходимых сил на Восточном фронте, нет красных знамен, рвущих над западными государствами. Генерал Бонч-Бруевич заявил, что “заключение мира принесет России неисчислимые бедствия, поставит Россию в условия невозможного военного положения и обратит ее в базу германских армий”. Генерал Лукирский подчеркнул, что “русский народ в своих недрах сохраняет мощные жизненные соки, которыми мы и должны воспользоваться для спасения страны от порабощения”. При голосовании 4 члена военного совета высказались за мир на немецких условиях, а 7 членов – за вооруженную борьбу всеми средствами.

А.И. Деникин справедливо отмечает, что могилевские решения не могли изменить ход событий, так как Совету народных комиссаров нужен был мир какой угодно ценой, хотя бы ценой расчленения, унижения и разрушения России, – лишь бы сохранить власть. [2, с.27-36]

Изложив все обстоятельства российско – германских переговоров в 1918 году, Деникин отмечает, что в то сложное время Советам предлагалась поддержка Францией. Посол Нуланс сообщал, что 21 февраля 1918 года он обещал финансовую и техническую помощь народному комиссару Троцкому, но большевики уступили без боя и подписали 3 марта постыдный Брестский мир. Нуланс приводит и второй случай, когда в мае 1918 года уже Троцкий обратился к нему с просьбой прислать для реорганизации Красной армии 500 французских инструкторов. Но она не была выполнена, так как вследствие заключенного договора, по словам Нуланса, официальные представители Германии становились хозяевами Москвы. [2, с. 39, 41, 42]

Деникин выступает против пакта Франции с СССР. Он пишет, что “союз с советской властью не есть союз с Россией. Никакого доверия этот союзник, которым как сильным козырем играли немцы много лет, не заслуживает.” [2, с. 43, 44] Деникин мечтает об освобождении русского народа от большевизма. Это, по его мнению, открыло бы широкие перспективы для судеб России, вернуло народу жизнь, России – подобающее ей в мире место, а миру – не только выпавшее звено из цепи его расстроенного экономического оборота, но и нарушенное мировое равновесие.

1. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 1.

2. Деникин А.И. Брест-Литовск. Париж. 1933.

3. Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1.

4. Ксенофонов И.Н. Мир, которого хотели и который ненавидели: Докум. репортаж. М.: Политиздат, 1991.

5. Минц И.И. История Великого Октября. М., 1968. Т. 2.

6. Его же. История Великого Октября. М., 1973. Т. 3.

ГЕРМАНИЯ И БЕЛАРУСЬ: ДИПЛОМАТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВО В ПЕРИОД ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

П.С.Романович

г. Брест, БрГУ им. А.С. Пушкина

Ноябрьская революция в Германии привела к Учредительному собранию, которое состоялось в г. Веймаре в январе 1919 г. Учредительное собрание разработало конституцию, получившую название «Веймарской». Конституция была принята На-